сѣять, научили жить вмѣстѣ, урядили нашу жизнь; они научили меня думать, говорить. А я-то—ихъ произведеніе, ими вскормленный, ими наученный, ихъ мыслями и словами—доказалъ имъ, что они—безсмыслица! Тутъ что-то не такъ, говорилъ я себѣ.—„Гдѣ-нибудь я ошибся“... Но слѣдующая за этимъ попытка научиться правдѣ жизни, дающей силу жить, „у милліардовъ отжившихъ и живыхъ людей, которые дѣлаютъ и несутъ свою и нашу жизнь“, разбилась о безчисленныя маленькія сопротивленія. Смыслъ жизни,—Толстой это тогда слишкомъ понималъ,—„народъ черпаетъ изъ всего вѣроученія, переданнаго и передаваемаго ему пастырями и преданіями. Но съ этимъ смысломъ народной вѣры неразрывно связано много такого, что отталкивало меня и представлялось необъяснимымъ: таинства, церковныя службы, посты, поклоненіе мощамъ и иконамъ. Отдѣлить одно отъ другого народъ не можетъ, не могъ и я“... „Я желалъ всѣми силами души быть въ состояніи слиться съ народомъ, *...но не могъ этого сдѣлать*“. И это безсиліе принять въ свою душу вѣру народа, вѣру предковъ,—церковное русское православіе, въ ту пору больно и остро переживалось Толстымъ, позднѣе оно привело его къ попыткѣ *сотворить свою религію и ею жить*. И какъ человѣкъ, тонко понимающій жизнь и то, чѣмъ живетъ эта жизнь въ вѣкахъ, могъ не только пытаться *свою религію* выдумать,—это понятно для великаго зачинателя, на все дерзающаго,—но пытаться еще ужиться съ ней, не краткія минуты и дни, а годы и годы. Вѣдь то, что называется настоящей религіей въ исторіи, какая бы она ни была, несоизмѣримо по происхожденію и значенію съ личной мудростью какого-бы то ни было человѣка-гиганта. Если смотрѣть внѣ всякой вѣры, то и тогда видно, что сотворить свою религію то же—что, скажемъ, — море и горы сдѣлать. То, что имѣетъ церковь, — опять, если взглянуть совсѣмъ объективно, извнѣ,—вѣдь это же такая сокровищница цѣнностей, такой сосудъ благостыни, куда питательная, святая влага собиралась по капелькамъ девятнадцать вѣковъ. Черезъ мученичество, мучительство, черезъ кровь и страданія подвижническими усиліями милліоновъ жизней, и какихъ жизней, текла эта влага по очистительнымъ желобамъ исторіи, фильтруясь въ фильтрахъ вѣковѣчныхъ напряженій и устремленій ко спасенію. Здѣсь огромный духовный опытъ, нажитый вѣками,—и чтобы поспорить съ нимъ своимъ изобрѣтеніемъ, не хватитъ и тысячи ты-